

СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ НА ТЕРРИТОРИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ЗДЕНЕК КОНЕЧНЫЙ, ФРАНТИШЕК МАЙНУШ

В годы второй мировой войны нацисты насильственно угнали на работы в Германию и оккупированные ею страны сотни тысяч советских граждан. По материалам Нюрнбергского процесса, к началу 1945 г. их насчитывалось 2030 тыс. человек¹.

На оккупированной территории Чехословакии советские граждане работали преимущественно в Судетской области — пограничных районах, отторгнутых Германией после Мюнхенского соглашения, причем их отправляли в те места этой области, где среди населения преобладали немцы, как правило, настроенные пронацистски. Фашистские власти, вообще стремившиеся не допускать общения советских граждан с рабочими других национальностей, были особо заинтересованы в том, чтобы они не завязывали отношений с чехословацким населением. Немцы боялись, что чехи будут оказывать советским гражданам материальную помощь, помогать им при побегах с работ и передавать информацию о положении на фронтах. 2 июля 1942 г. был издан специальный указ, по которому строжайше запрещалось посылать советских граждан на работу в Чехию и Моравию².

О количестве советских людей в Судетской области мы можем пока судить лишь по нацистской сводке, составленной для Франка и содержащей данные на 1 апреля 1944 г. Граждане СССР разделены в этой сводке на национальности, поэтому точное их число определить невозможно. Известно, что в то время в Судетской области работало 48 808 русских, 43 686 украинцев, белорусов и поляков, 44 литовца, 59 эстонцев³. Больше всего их было в районах местопребывания правительственных президентов — городах Либерец и Карловы Вары в северо-западной и западной Чехии; несколько меньше в восточной части Судетской области в районе Опавы.

Первое время советские граждане работали на фермах, в крупных поместьях, в лесных хозяйствах, по мелиорации, ремонту шоссе и железных дорог. Но вскоре, в связи с тотальной мобилизацией, их начали все чаще направлять на промышленные предприятия, причем не только на текстильные фабрики, но и на шахты, металлургические и химические заводы. Они не допускались лишь на предприятия пищевой промышленности.

Все советские граждане, кроме тех, кто работал в деревне, должны были жить в лагерях. Об одном из самых больших лагерей было известно уже в конце 1941 г. — он находился в городе Моравска-Тржебова и вмещал 400 человек. Кроме того, были лагеря по 100 человек: три — в районе г. Есеник и один — в районе г. Рымаржов. 22 лагеря находились в окрестностях г. Яблонне под Ештедом (в них томились 500 советских граждан) и т. д.⁴ Поскольку количество советских граждан в Судетской области с каждым годом росло, в 1942 г. был организован специальный пропускной лагерь в г. Брансдорф, который должен был распределять прибывшую с оккупированной территории СССР рабочую силу по всей области⁵.

¹ «Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher», Nürnberg, 1947. B. 30, dok. 2520—Ps, BW. US 197. Здесь, как и в данной статье в целом, речь идет о штатских советских гражданах, без учета военнопленных.

² StA Liberec, Reichshalterei k. 79, sign. 1a.

³ Ústřední archiv Praha, S — 110—4—233, F 29/4. Praha, 1.IV.1944.

⁴ StA Opava, Regierungspresident Opava, 13.II.1942. Там же, Jeseník 11.II.1942. Там же, Beroun. 10.II.1942. StA Liberec. Landrat Jablonné. Pol. X 154—6—4—1. Jablonné 2.VI.1942.

⁵ StA Liberec, Regierungspresident k. 118, Říšský stavební úřad Opava, 24.IV.1942.

В лагере в г. Кралики размещалось около 300 советских рабочих. Зимой, даже в самые сильные холода, они не получали никакого нижнего белья⁶. Хозяин, вероятно, руководствовался наглой клеветой Геринга, заявлявшего в начале войны, что «русским ниже белье почти неизвестно, они не привыкли к нему»⁷. Под г. Забржег 23 советских рабочих жили в конюшне, отапливаемой крохотной печкой, на ночь они получали по тонкому одеялу. Даже германские органы проверки вынуждены были признать: «Жилищные условия следует охарактеризовать как более чем плохие»⁸. Аналогичное положение было почти во всех лагерях.

Нацисты ввели в лагерях жестокий режим. Заслушивание, неполадки в работе, отлучку с места работы или из лагеря, часто за самые незначительные проступки нацисты отправляли советских рабочих в так называемые «воспитательные» и концентрационные лагеря, причем первые мало отличались от вторых⁹. Федор Петрович Сполитак, работавший на железной дороге в г. Усти-над-Лабем, пишет о «воспитательном» лагере Залужи под г. Мост, где он отбывал шестинедельное заключение: «В лагере нас ждали эсэсовцы с плетью и били. Потом гоняли нас до полного изнеможения, а если кто-нибудь, обессилев, упал и хотел отдохнуть, то его бросали в бассейн. Бассейн был глубокий, и не умеющий плавать напрасно бы старался удержаться на воде. Того, кто шел ко дну, вылавливали, приводили в сознание, и мучение начиналось снова. Такой прием ждал каждого, кто сюда попадал. Потом мы остались без обуви, курток и должны были быть рады, что сохранили жизнь. Много моих друзей погибло в этом лагере»¹⁰. Это все происходило уже в начале 1945 г.

Сначала советские рабочие должны были работать в строгой изоляции, чтобы они не могли общаться с рабочими других национальностей. Но вскоре этот приказ, ввиду его невыполнимости, был смягчен¹¹, как и директива о том, что свободное время после работы советские рабочие — мужчины обязаны были проводить только в лагере, где на 20—30 человек приходился один вооруженный стражник. Тем из них, кто был занят в сельском хозяйстве, официально разрешили селиться и по одиночке. Согласно новому уставу, рабочим, не навлекшим на себя гнев администрации, разрешались даже прогулки вне лагеря, конечно, группами и под надзором стражника¹².

Новый лагерный устав 1942 г. разрешал некоторые виды развлечений, которые были до тех пор строго запрещены: народные танцы, музыку, показ фильмов; намечалось даже издание русских и украинских газет. Это, конечно, вовсе не означало, что отношение нацистов к советским людям стало более гуманным. Тенденция к некоторому смягчению режима преследовала исключительно цели повышения производительности труда. Имперский отдел пропаганды в Судетской области распечатал и расклеил в лагерях плакаты на русском, украинском, белорусском, эстонском, литовском и латышском языках, призывающие советских рабочих участвовать в строительстве так называемой «Новой Европы»¹³. Обещания же свои нацисты в большинстве случаев не выполняли. Например, хотя согласно лагерному уставу дважды в месяц разрешалось писать домой, советские рабочие не могли в течение долгих месяцев послать своим близким весть о себе. Их положение почти ни-

⁶ StA Opava, Landrat Králiky, 19.I.1943.

⁷ «Der Prozess...», B. 27, dok. 1193—PS, S. 56. Указания Геринга от 17.XI.1941 г.

⁸ StA Opava, Landrat Králiky, 19.I.1943.

⁹ StA Litoměřice, Landrat Ustí n. L. 14.XI.1941.

¹⁰ Рукопись собрания воспоминаний «Непокоренные», составленная З. Конечным и Фр. Майнушем, хранится на кафедре истории СССР философского факультета университета им. Я. Е. Пуркине в Брно, стр. 263—266.

¹¹ StA Opava, Landrat Opava, Pol. 301—645, Berlin, 20.II.1942.

¹² Там же, по циркуляру, изданному в Берлине 27.V.1942.

¹³ Там же, Liberec, 27.VI.1942.

чем не отличалось от положения военнопленных; это вынуждены были признать и нацистские органы по проверке лагерей ¹⁴.

Много забот причиняла гитлеровцам охрана советских граждан в лагерях и на местах работы. Она поручалась наиболее опытным кадрам нацистской партии ¹⁵. Гестаповцы не переставали предупреждать о том, что «саботажники, провокаторы, советские тайные агенты скрываются даже среди, казалось бы, трудолюбивых рабочих» ¹⁶.

Что касается питания рабочих, насильно мобилизованных нацистами, то в 1941—1942 гг., дочиста ограбив многие страны Европы и оккупированные территории Советского Союза и располагая большими запасами продовольствия, немцы еще поддерживали относительно высокие нормы пайков с целью увеличения производительности труда. Однако и тогда положение советских людей, угнанных в Чехословакию, было гораздо худшим, чем положение других иностранных рабочих. Нагляднее всего это показывает сравнение продовольственных пайков. Вот каковы были недельные пайки советских и других иностранных рабочих в октябре 1941 г. в г. Карловы Вары ¹⁷:

Продукты	Пайек советских рабочих	Пайек других иностранных рабочих	Продукты	Пайек советских рабочих	Пайек других иностранных рабочих
Мясо	250 г	400 г	Крахмал	25 г	35 г
Маргарин	156 »	81,25 »	Мармелад	175 »	187,5 »
Масло	—	93,75 »	Сахар	175 »	218,75 »
Черный хлеб	2225 »	2600 »	Картофель	7 кг	5 кг
Белый хлеб	—	590 »	Сепарированное молоко	—	0,44 л
			Другие продукты	75 »	105 »

Позднее, когда советских граждан включили в разряд лиц, работающих в трудных и наиболее трудных условиях, а также под землей, им прибавили хлеба, мяса и жиров. Однако мясо им выдавалось лошадиное или из вынужденного убоя; хлеб — из зерна крупного помола и свекловичного жома и т. д. ¹⁸. Многочисленные жалобы советских рабочих показывают, что они получали далеко не полный паек и состоявший к тому же зачастую из продуктов такого качества, что даже нацистские органы проверки признавали их вредными для здоровья ¹⁹.

Снабжение советских граждан впоследствии ухудшилось. Уже с осени 1943 г. вместо картофеля они получали свеклу, а весной 1944 г. не было в достаточном количестве и свеклы ²⁰. В конце войны во всех трудовых лагерях было установлено два вида пайка: 1) для советских рабочих и всех военнопленных; 2) для других иностранных штатских рабочих ²¹.

Советские граждане, угнанные на принудительные работы, жестоко страдали от голода. Уже упоминавшийся Ф. П. Сполитак вспоминает: «В большинстве случаев ели очистки от сахарной свеклы. Когда мы после работы шли мимо офицерской кухни, то тайком набирали из помойного ведра помой, которые вечером делили между собой» ²².

Размер порций зависел обычно от количества проделанной работы. За невыполнение нормы советских граждан жестоко наказывали: неми-

¹⁴ «Der Prozess...», В. 25, dok. 084—PS, стр. 25. Доклад от 30.IX.1942 г.

¹⁵ StA Opava, Landrat Opava. Строго секретный приказ о привлечении членов нацистской партии в охрану советских рабочих от 5.IX.1942.

¹⁶ Там же. Gestapo Opava, I.III.1943.

¹⁷ StA Kadaň, Regierungspresident K. Vary 1456. III а 6.

¹⁸ Там же.

¹⁹ StA Litoměřice, Landrat Zatec, K. 994. Секретное сообщение Министерству питания от 15.VII.1942 г.

²⁰ StA Kadaň, Regierungspresident K. Vary. Сообщение от 22.X.1943 г.

²¹ Там же, Berlin, 22.10.1944.

²² Рукопись «Непокоренные», стр. 264.

лосердно урезали их продовольственный паек, накладывали на них штрафы и часто посылали в «воспитательные» или концентрационные лагеря²³. Однако, как показала, например, ситуация в Силезии, нацистам немного удалось этим достичь²⁴. Предприниматели разделили советских рабочих в Силезии на три группы. Первая группа должна была выполнять норму немецкого рабочего более чем на 80% и за это получать прибавку, полагающуюся работающим в трудных условиях; вторая — на 60—80% и получать прибавку. В третью отнесли тех, кто не выполнял норму немецкого рабочего и на 60%; эта группа также получала прибавку, но нормальный продовольственный паек был сокращен. И все же производительность труда советских рабочих оставалась низкой. Например, в 1942 г. судетский имперский наместник жаловался самому Герингу, что в результате низкой производительности труда советских рабочих добыча бурого угля в западночешских шахтах продолжает намного отставать от плана²⁵.

Предприниматели старались возместить это тем, что заставляли советских граждан работать сверхурочно, а также в воскресенье и в праздники. Рабочие, занятые в промышленности, должны были все свое свободное время работать в сельском хозяйстве²⁶.

За тяжелый труд советские граждане получали мизерную плату и сверх того с них взимались еще разные суммы, как, например, налог и дань (*Ostarbeitersteuer*, *Ostarbeitergabe*) «восточных» рабочих. Совершеннолетний советский рабочий в лесном хозяйстве южной Чехии получал в месяц от 7 до 15 марок, юноши — 5 марок, женщины — 6 марок. Сверхурочную работу, работу в воскресенье и в праздники советский рабочий должен был выполнять безвозмездно и безропотно. Не имел он и права на отпуск.

Нацистские предприниматели очень часто наказывали советских рабочих денежными штрафами, тем самым снижая, а то и сводя на нет их заработную плату. Надо отметить и то, что заработная плата выдавалась только в так называемых лагерных деньгах — нечто вроде талонов, на которые в определенных лавках отпускались товары самого низкого качества.

Бичом трудовых лагерей были болезни. Надежда вернуться на родину по болезни была минимальной. Немецкие врачи относились к заболеваниям советских граждан очень придирчиво. Об этом свидетельствует, например, приказ районного бюро нацистской партии в г. Шумперк: «На родину могут быть отправлены только те восточные рабочие, которые действительно уже не в состоянии выполнять никакую работу, в противном случае больные должны быть переведены на подходящие работы согласно болезни»²⁷.

В результате катастрофически плохого питания, невыносимых жилищных условий и тяжелой работы среди советских граждан был широко распространен туберкулез легких. Заболевших рабочих посылали сначала в специальные больничные бараки в Хомутов, Яблонне под Ештедом и под Моравска Тржебова²⁸. В эти бараки, однако, помещали только тех больных, которые могли быстро выздороветь и вернуться на работы. Людей с открытой формой туберкулеза отправляли

²³ StA Třeboň, Zemedělsko — lesnický archiv Nové Hradý A—3c, сообщение от 22.X.1942.

²⁴ StA Potsdam. DDR, Reichsministerium für Rüstung und Kriegsproduktion, fasc. 51. Секретное сообщение № 24 от 7.VI.1943.

²⁵ StA Liberec, Říšské místodržitelství k. 8. Донесение Герингу от 12.X.1942.

²⁶ StA Opava, Landrat Opava, Pol. 301—645, 27.VI.1944. StA Třeboň, fond Bechyně IX la—b NSDAP, Linec, 14.IV.1944.

²⁷ StA Zámorsk, Landrat Lanškroun 602—1f. Šumperk, 15.IV.1943.

²⁸ StA Liberec, Říšské místodržitelství k. 51. Резолюция имперского наместника для так называемой Судетской области от 3.VIII. 1943 г.

в особые лагеря в Польше. Мало кто из них возвращался на родину: гитлеровцы боялись, что они будут вести там пропаганду, затрудняющую набор свежей рабочей силы для фашистского государства. Уполномоченный по делам трудовой мобилизации предлагал начальникам бюро труда в Судетской области оставлять больных туберкулезом советских граждан на работе так долго, как они смогут выдержать. Затем их следовало переправлять в специальный лагерь с эсесовским управлением. Мы не знаем, где он находился, но можно предпологать, что это был истребительный лагерь, откуда уже не возвращались.

Врачебная помощь советским рабочим была самой низкокачественной. Нацисты боялись общения советских граждан с населением Чехословакии и запрещали отправлять больных в чешские больницы. Одним из случаев нарушения этого запрета занимался даже сам имперский наместник Судетской области Гейнлейн.

Жандармские участки и полицейские органы в Судетской области следили за тем, чтобы советские граждане не имели возможности бывать вне территории лагерей и деревень, где они находились. Появление вне лагеря без нашивки «OST» каралось штрафом в 150 марок или трехдневным тюремным заключением²⁹. Советским рабочим запрещалось покидать лагерь после комендантского часа (исключение могли сделать только полицейские органы). В Судетской области с апреля до сентября были объявлены следующие комендантские часы: 9 часов вечера и 5 часов утра, а в остальное время года — 8 часов вечера и 6 часов утра. Нарушители также наказывались штрафом в размере 150 марок или тремя днями заключения³⁰. В 1944 г. меры наказания стали еще строже. Гестапо приказало переводить провинившихся в «воспитательный» лагерь³¹.

Подобным мерам наказания подлежали и те советские рабочие, которые, не имея специального разрешения полицейских властей, пользовались автобусом или железной дорогой. Не разрешалось ездить даже на велосипедах. Полиция стремилась предупредить побеги и помешать голодающим рабочим приобретать продовольствие в деревнях³².

Чешское население Судетской области и чехи, мобилизованные туда на работы из центральных районов Чехии, оказывали посильную помощь советским рабочим. Анежка Петракова из Праги вспоминает о пребывании советских рабочих на шахтах в районе Пльзени, где в 1943 г. работал ее отец: «Жизнь у них была незавидная. Абсолютный недостаток пищи, изнурительный труд, избиение нацистскими надсмотрщиками — это была их ежедневная доля. Часто случалось, что и больные должны были работать на шахтах до полного изнеможения. У тех, кто работал вместе с чехами, жизнь была все-таки более сносная. Мой отец, так же как и другие чешские шахтеры, хоть делился с ними своими завтраками»³³.

Не лучше жили и рабочие, занятые в сельском хозяйстве. Карла Гамалова из Черной Горы (в районе г. Шумперк) рассказывает: «У многих немецких хозяев им (советским рабочим.— Авт.) жилось очень плохо, их кормили только картошкой в мундире и ржаным черным кофе. Когда они с голоду что-нибудь брали в поле и их ловили, немцы жаловались на них, и жандармы запирали провинившихся в

²⁹ StA Opava, Landrat Opava, Pol. 301—645, Opava, 10.VII.1943 г.

³⁰ Там же. Полицейский отдел для рабочих с Востока, донесение от 10.VII.1943 г.

³¹ Там же, Landrat Opava, 2.X.1944.

³² StA Litoměřice, Landrat Ustí n. L., pol. 302, č. 798. Приказ «ландрата» от 12.III.1945 г.

³³ Собрание воспоминаний, хранящееся на кафедре истории СССР на философском ф-те Ун-та им. Я. Е. Пуркине в Брно, № 118.

местную тюрьму около церкви; в тюрьме их наказывали — били плетьюми»³⁴.

Приведем еще потрясающее душу воспоминание рабочих текстильных заводов им. С. К. Неймана в г. Крнов, где во время войны работали советские девушки: «Нацисты обращались с ними нечеловечески, так что многие здесь погибли. Те девушки, которые все это вынесли, оставили на стене фабрики надпись, обнаруженную нами после войны за кучей материала: «Что мы только не пережили на страшной фабрике, как мы голодали! Работаем ежедневно по 12 часов и больше. Если бы вы, товарищи, знали, сколько здесь погибло советских девушек, не дождавшихся вас! Вы не приходите, а нас увозят неизвестно куда. Какой здесь голод, нищета и холод! Будьте прокляты, фашисты с обличем человека! Товарищи, нас, девушек с 12 до 20 лет, увозят далеко в Германию, чтобы вы не могли освободить нас!» Нацисты увезли много работниц на запад, боясь наступления Советской Армии. О дальнейшей судьбе девушек нам ничего неизвестно»³⁵.

Но даже в самых жестоких условиях советские люди активно борлись против фашизма. Мы уже упомянули о низкой производительности труда советских граждан. Многие из них симулировали болезни и замедляли темпы работы, срывая, таким образом, производственные планы нацистов. Конечно, саботаж каждого в отдельности взятого рабочего далеко не всегда был действенным, но когда это делали массы советских граждан, наносились невозместимые потери немецкой военной промышленности, сельскому хозяйству и другим отраслям производства.

Жалобы хозяев в Судетской области на низкую производительность труда советских рабочих были частым явлением. Местные органы пытались воздействовать на рабочих политикой кнута и пряника — жестоким обращением и некоторыми мелкими уступками, но безуспешно. Так, в середине 1942 г. лесное хозяйство в г. Крумлов жаловалось на то, что работники из СССР почти не работают, ссылаясь на физическую слабость и плохую обувь. Хозяйство просило взять их обратно³⁶. Как правило, тех, кто отказывался работать или работал явно медленно, настигала жестокая кара. Хозяева сообщали их имена в гестапо, где рабочих почти всегда ждала одна мера наказания — «воспитательный» лагерь. Ей были подвергнуты, например, Николай Иванов, на которого донес его хозяин — немецкий крестьянин³⁷, и Евгения Д., работавшая в фирме Гелинек в г. Мартиневес (в районе Дечин) и переданная гестапо³⁸. Подобных случаев в Судетской области было много.

Одной из причин резкого падения производительности труда советских граждан были радостные вести с фронтов, которые чаще всего они получали через чешских рабочих. Так, после сообщения о битве на Волге советская гражданка А. Д., работавшая в сельском хозяйстве в районе г. Литомержице, начала не только саботировать сама, но призывала к этому своих земляков в деревне. Агитация ее имела большой успех, но она была арестована и передана гестапо³⁹. Павлина Укриновская, работавшая у крестьянина Даума в селе Яворы (район Усти), также была арестована потому, что отказывалась работать и призывала к тому же остальных⁴⁰. Советский шахтер А. Б. с шахты в Дольнем

³⁴ Там же, № 96

³⁵ Там же, № 32.

³⁶ StA Krumlov, сельскохозяйственный архив. Письмо от 12.VII.1942 г.

³⁷ StA Liberec. Landrat Jablonné, Pol. X. 154—6, с—51. Сообщение от 18.VIII. 1942 г.

³⁸ StA Litoměřice Landrat Děčín, Pol. 900. Сообщение от 6.I.1943 г.

³⁹ Там же, сообщение от 6.I.1943 г.

⁴⁰ Там же. Гестапо в г. Усти-н.-Л., 4.V.1943 г.

Иржетине оставался два дня в лагере, ссылаясь на ревматизм, после чего попал в когти гестапо⁴¹.

Архивные материалы хранят большое количество подобных фактов. Нацисты не остановились даже перед наказанием матери шестимесячного ребенка — Г. Оресенко, на которую донесли, что она не отработывает дни, пропущенные из-за родов. Попад в гестапо Усти-над-Лабем, Оресенко на место работы уже не вернулась. Что случилось с ее больным ребенком, также неизвестно. В то же самое время гестапо в Усти-над-Лабем держало в тюрьме 8 украинских работниц, работавших до этого в лесном хозяйстве, и 2 мужчин — Ивана Яхинева и Николая Беляева. Работницы были арестованы, так как плохо работали, а в последнее время вообще отказывались работать, ссылаясь на плохую обувь; мужчины — за то, что призывали работниц к этому поступку. За ними всеми закрылись ворота «воспитательного» лагеря⁴².

Замедление темпов работы, акты саботажа и искусственно вызванные заболевания стали настолько общераспространенным явлением среди советских граждан, что у нацистов уже не было возможности упрятать в «воспитательные» лагеря всех виновных и подозреваемых, и они ограничивались наказанием отдельных лиц для устрашения остальных.

Мы располагаем большим материалом о фактах отказа советских граждан от работы и отправки их за это в «воспитательный» лагерь. Для западной части Судетской области был организован «воспитательный» лагерь в Залужи под г. Мост, для восточной — в г. Гейдебрек. Об интересном случае саботажа было сообщено в гестапо в южной Чехии, где украинские работницы лесного хозяйства пользовались экстрактом ядовитых растений для того, чтобы вызвать кожные заболевания⁴³.

Другой формой борьбы были непрекращающиеся побеги советских граждан с мест работы. В результате этих побегов нацистское хозяйство постепенно теряло рабочую силу; беглецы же нередко получали возможность на воле бороться против фашизма с оружием в руках, включившись в партизанское движение в оккупированных странах. В Чехословакии почти в каждом партизанском отряде были советские люди, часто в качестве командиров, комиссаров и т. д. Деятельность этих отрядов — живой памятник чехословацко-советской дружбы. Эта тема должна стать предметом самостоятельного исследования.

По сообщению имперского наместника Судетской области в г. Либерец уже с конца 1941 г. наблюдались «почти массовые побеги украинцев с работы»⁴⁴. Имперский наместник получал много жалоб на то, что в лесных и горных районах оккупированной Чехословакии (в пограничных зонах) нельзя уследить за советскими рабочими. Поскольку жандармов и полицейских не хватало, для охраны советских граждан пользовались специально выдрессированными служебными собаками.

В случае побегов нацисты, не колеблясь, применяли огнестрельное оружие и застрелили не одного беглеца. Пойманных советских граждан передавали гестапо, которое, как правило, отправляло их в «воспитательные» или концентрационные лагеря. Учреждения судетских «ландратов» получали затем сообщения, например, такого содержания: «Работник с Востока Петр Ратшук, родившийся 12. 10. 1924 в Шапавке, в последнее время рабочий депо имперских железных дорог в г. Хомутов, был 18. 6. 1942 г. пойман при попытке к бегству и отправлен в

⁴¹ Там же, сообщение от 21.V.1943 г.

⁴² Там же, 11.XII.1943 г.

⁴³ StA Treboň, f. Bechyně IX C 1a—b. Копия документа без даты.

⁴⁴ Josef Orlík. Opavsko a severní Morava za okupace. Ostrava, 1961, str. 66.

концентрационный лагерь, где умер 22.9.1944 г. Также работник с Востока Синофий Оличук, родившийся 30.10.1915 г. в Татарновке, арестованный 18.6.1942 г. при попытке к бегству, был отправлен в концентрационный лагерь, где умер 16.11.1942 г.»⁴⁵.

Но карательные меры гестапо и полиции оказались малодейственными. Число побегов не снижалось. Напротив, как констатировал новый циркуляр имперского наместника, изданный месяцем позднее вышеприведенного, «массовые побеги украинцев, занятых в сельском хозяйстве, продолжаются»⁴⁶. То же было вынуждено признать и гестапо в Опаве: «Побеги советско-русских штатских работников за последнее время участились»⁴⁷.

Одной из важнейших причин успешных побегов советских граждан в Судетской области была активная помощь местного чешского населения и чехов, насильственно мобилизованных на работы. Гестапо часто предупреждало об этой помощи свои отделы⁴⁸. Циркуляры о побегах часто заканчивались сообщением, что беглецы «направляются в Протекторат».

Некоторые советские граждане, находившиеся в Судетской области, были связаны с подпольным движением в самой Германии. Один из фактов такой связи был выявлен при раскрытии нелегальной группы «Циммет и Гуцманн» в июне 1943 г.⁴⁹.

Советские люди не только стойко вынесли все муки, но и создали коллектив, антифашистская деятельность которого причиняла фашистам немало забот. Это был непотухающий пожар сопротивления советского народа в тылу врага, пожар, неустанно питаемый новыми актами саботажа, побегами с работ, партизанской борьбой. Чехословацкий народ помогал советским людям чем только мог: поддерживал их материально, содействовал в осуществлении актов саботажа, побегов, в налаживании связи с партизанскими отрядами. Таким образом были спасены жизни многих советских граждан. Это незабываемая страница истории чехословацко-советской дружбы.

⁴⁵ StA Litoměřice, Landrat Chomutov LIII a 3. Gestapo v Liberci, 3.X.1944.

⁴⁶ Там же, стр. 81.

⁴⁷ Там же. Gestapo v Opavě, 26.VIII.1942.

⁴⁸ Там же. Landrat Opava, Pol. 301—645. Gestapo v Opavě, 13.VII.1942.

⁴⁹ Институт марксизма-ленинизма в Берлине, Ia—d № 7—1434.